

КАРЕН РЭННИ
СТРОПТИВАЯ
ЖЕНА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)
Р 96

Серия «Шарм» основана в 1994 году
Karen Ranney
SOLD TO A LAIRD

Перевод с английского *Н.Н. Аниськовой*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Harper Collins
Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Рэнни, Карен.

Р 96 Строптивая жена: роман / Карен Рэнни; пер.
с англ. Н.Н. Аниськовой. — Москва : АСТ, 2015. —
317 [3] с.

ISBN 978-5-17-087652-5

Герцог Херридж, отец красавицы Сары, отдал дочь в жены
своему партнеру по бизнесу — шотландскому лэрду Дугласу
Эстону.

Сара, глубоко возмущенная этим решением отца, покля-
лась, что никогда не допустит Эстона в свое сердце, а на брачном
ложе будет лишь исполнять долг жены...

Однако не родился еще на свет шотландец, которому не
под силу разжечь страсть в женщине и пробудить в ней насто-
ящую любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-087652-5

© Karen Ranney, 2009
© Перевод. Н.Н. Аниськова, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

*Конец весны, 1860 год
Лондон, Англия*

— Добрый день, Саймонс, — сказала она, снимая перчатки. — Отец дома?

— Я справлюсь о его светлости, леди Сара. — Взяв у нее перчатки и шляпку, дворецкий положил их на столик, который ей был очень хорошо знаком. Два месяца назад он стоял в зимней гостиной Чейвенсуорта.

Леди Сара окинула себя взглядом в зеркале. Выглядит она прилично.

— Не беспокойтесь, Саймонс, — ответила она. — Вы не хуже меня знаете, что отец скорее всего откажется меня видеть.

Дворецкий не ответил. Саймонс был верхом тактичности.

Не дожидаясь, когда он двинется вперед, Сара пошла по коридору. Ее отец питал пристрастие к изумрудно-зеленому цвету, это было заметно по обоям и ковру. У нее возникло ощущение, что она под пологом густой листвы, да и душно тут, как в сыром и темном подлеске. Без сомнения, духота — результат того, что отец курит в кабинете.

— Леди Сара, — прошептал, догоняя ее, Саймонс.

Не слушая его, она остановилась у кабинета, потом решительно взялась за ручку и распахнула дверь.

— Если ты отправишь маму в Шотландию, она умрет, — сказала Сара, входя в комнату.

И тут же ошеломленно замолчала, заметив сидящего у письменного стола отца мужчину. Он поднялся. На его красивом лице отразилось удивление. Но это выражение предпочтительнее пугающего вида отца.

Хотя слова вырвались у нее без такта и любезности, которым ее учили с детства, они были правдивы, их нужно было успеть сказать.

— Она умирает. — Не обращая внимания на незнакомца, Сара повернулась к отцу, который остался сидеть. Его квадратное лицо побагровело, прищуренные синие глаза смотрели на нее без намека на узнавание. — Она не переживет поездки.

Он не произнес ни слова, просто наклонил голову, и Саймонс тут же положил ладонь на ее руку. Сара сбросила ее, настроенная остаться в комнате.

— Почему Шотландия? Почему сейчас? — Если уж ей предстоит наказание, пусть оно будет заслуженным.

Незнакомец посмотрел на ее отца, потом на нее. Сара умышленно не смотрела в его сторону. Что она сделает, если заметит жалость в его взгляде? Она может разразиться слезами к удовольствию отца и к собственному позору. Поэтому она сделала то, что всегда делала в присутствии отца: заглушила эмоции и сосредоточилась на цели своего визита сюда, в Лондон, в самое нелюбимое место на свете — в дом отца.

— Она с каждым днем слабеет. Зачем ее отсылать?

На лице отца не отразилось ни горя, ни сожаления, ни раскаяния. Наоборот, оно еще больше застыло, человеческая плоть производила впечатление камня.

Он посмотрел на лежащие перед ним бумаги и внезапно отодвинул их одним пальцем.

— Вы говорите, что вам нужны инвесторы, Эстон? — обратился он к стоявшему перед ним мужчине. — И полагаете, что ваше изобретение будет выгодным?

Ее выставляют? Без единого слова?

Сара заставила себя остаться на месте и сжала перед собой руки. Саймонс стоял позади нее, непримиримый и молчаливый.

— Да, ваша светлость.

Ее отец взял что-то двумя пальцами с промокательной бумаги и протянул незнакомцу. Тот подставил ладонь, и в нее упало нечто маленькое, блеснувшее в свете дня.

— Значит, вы можете копировать их и делать крупнее?

— Да, ваша светлость.

Отец перевел взгляд на Сару, и она поняла, что он не забыл о ее присутствии.

— Вы просите большую сумму, Эстон.

— Не в долг, ваша светлость.

Сара сделала несколько шагов к столу. Ей показалось, или отец действительно напрягся при ее приближении? Она не могла сдаться. Отец не ответил ни на одно ее письмо. Та же судьба была у записок, которые она посылала с лакеем. Осталось только личное обращение. Если он хочет, чтобы она умоляла, она это делает. Ее мать умирает, что в сравнении с этим какое-то унижение?

Отец поднял руку, словно останавливая ее. Сара замерла, хорошо зная его нрав. Она никогда не забывала полученные уроки. Нельзя распялять его гнев: никогда не настаивать, не требовать, никогда не говорить, что он не прав.

Сегодня она презирала всю эту науку.

Сара осталась стоять, стараясь, чтобы отец не заметил, как она стиснула руки, скрывая дрожь. Она и губы твердо сжала по той же самой причине.

Ее страх, казалось, всегда доставлял ему какое-то злобное удовольствие.

Он повернулся к мужчине, который все еще стоял у стола и был не просителем, а человеком странным образом равным ее отцу. Герцог Херридж обладал внушительной фигурой, стоявший напротив него человек был столь же высок и на свой лад властен.

Если бы Сара не волновалась так о матери, она проявила бы больше любопытства.

— Насколько отчаянно нужны вам средства, Эстон? — спросил отец.

— Об отчаянии и речи нет, ваша светлость. Если вы решите не вкладывать средства, это сделают другие. Вы первый, с кем я встретился.

— Я не сказал, что отказываюсь финансировать ваше изобретение. Вместо этого я предлагаю более надежный вариант.

— И что это за вариант? — спросил незнакомец.

Отец оглянулся на Сару:

— У меня есть дочь, которая упорно желает остаться в девках. Два очень дорого обошедшихся мне светских сезона подтвердили то, что я всегда знал: она невыносима. Я заключу сделку с вами, Эстон, но вместо денег я дам вам мою дочь. — Его глаза прищурились. — Вы ведь не женаты?

— Нет, ваша светлость, — сказал незнакомец.

— Тогда считайте ее своей невестой.

Сара так стиснула руки, что чувствовала каждую косточку. Наверняка синяки останутся. Значит, таково ее

наказание? За то, что она осмелилась бросить вызов жестокости герцога Херриджа, ее продают незнакомцу?

— Думаю, чтобы получить специальную лицензию на брак, вам потребуется несколько дней, не больше, — продолжал отец. — Если вам нужно место для работы, используйте мое поместье Чейвенсуорт. Я даже предпочел бы это, чтобы иметь представление о развитии вашего дела.

— Не может быть, что ты предлагаешь это всерьез. — Сара старательно избегала смотреть на незнакомого мужчину.

Она никогда не испытывала сомнений по поводу чувств отца к ней. Он никогда не скрывал своего презрения. Но одно дело знать, что он ее не любит, и совсем другое — известить об этом человека, которого ей даже не представили.

Герцог Херридж, скрестив на груди руки, невозмутимо смотрел на визитера.

— Ну, Эстон? Каков ваш ответ?

Эстон снова оглянулся на нее, и на этот раз она заставила себя встретить его пристальный взгляд. Мужчина был невероятно красив. Волосы черные, черты лица совершенны, очертания рта напоминали о статуях в греческом саду Чейвенсуорта. Нос, возможно, чуть длинноват, и подбородок слишком квадратный. Но именно глаза сильнее всего привлекли ее внимание: зеленоватоголубые, цвета неба на рассвете.

Зачем мужчине такие красивые глаза?

Она хотела сказать, чтобы он не разглядывал ее так усердно. От его настойчивого взгляда ей стало еще более неловко, чем от слов отца.

Действительно ли он всерьез рассматривает невероятное предложение? Герцог не в первый раз публично говорит о ней гадости. Казалось, чтобы критиковать ее

и выставить напоказ ее недостатки, он специально выбирал переполненный бальный зал, званый обед или холл, заполненный завсегдатаями вечеринок, ждущими свои кареты. Сара привыкла к его выпадам и была к ним готова.

Но ничто не могло подготовить ее к сегодняшнему событию.

— Хорошо, ваша светлость, — сказал Эстон. — Я возьму вашу дочь.

— Я мог бы сказать, что вы заключили удачную сделку, но не имею никакого желания лгать вам, Эстон. Она будет камнем у вас на шее. И все-таки тот факт, что вы мой зять, вам поможет.

Герцог был серьезен, очень серьезен, как и Эстон, если его взгляду можно верить.

— Наша договоренность и меня устраивает, — продолжал герцог Херридж. — Если ваше открытие такое многообещающее, как вы рассказываете, вы сделаете меня богатым человеком, не говоря уже о том, что избавите меня от неприятности.

— Ты потерял разум, отец? — сказала Сара. — Не может быть, что ты говоришь серьезно.

Не обращая на дочь внимания, герцог повернулся к Саймонсу, молча стоявшему позади нее.

— Я не знаю процедуры получения специальной лицензии на брак. Проследите вы за этим. — Херридж посмотрел на визитера. — Я уверен, что вы сделаете все, что нужно, Эстон.

— С чего ты взял, что я соглашусь на этот нелепый план, отец?

— Если ты этого не сделаешь, я завтра же отправлю твою мать в Шотландию. — Торжествующая улыбка изогнула его губы. — Выбор за тобой: брак или Шотландия?

— Как вас зовут? — Эстон впервые обратился к ней.

— Меня? — Повернув голову, Сара смотрела на него, не понимая, почему она не в состоянии ответить на такой простой вопрос. Она ведь знает свое имя?

— Если нам предстоит пожениться, то, думаю, надо начать с имен.

— Сара, — наконец сказала она.

Приложив руку к груди, он неторопливо поклонился без излишней почтительности:

— Дуглас Эстон.

Отец явно доволен. Расправив плечи, Сара наклонила голову.

Ни одно слово, которое могло бы заставить отца передумать, не приходило на ум. Ему достаточно рукой взмахнуть, и она выдана замуж и выставлена из дома с такой же небрежностью, с которой увольняют нерадивого слугу.

Герцог Херридж снова переключил внимание на Эстона:

— Родственники ее матери живут в Шотландии. Если жена станет для вас тяжким бременем, отправьте ее туда. Мне следовало так же поступить с ее матерью много лет назад.

Сара повернулась, чтобы уйти.

— Куда это ты собралась? — спросил герцог.

Она оглянулась:

— Назад в Чейвенсуорт. Мать нуждается во мне.

— Ей придется обойтись без тебя, — объявил отец. — Я с тебя глаз не спущу, пока ты замуж не выйдешь.

Дуглас не нуждался в деньгах герцога Херриджа, и, уж конечно, у него не было необходимости жениться. Но что-то, какое-то чувство, которое он не мог определить, пригвоздило его к месту.

Сара выглядела испуганной. Самому Эстону был знаком страх и попытки подавить его. Теперь он видел то же самое в Саре. Ее руки крепко стиснуты, чтобы скрыть дрожь. Глаза опущены, чтобы спрятать страх. Ее губы сжаты: они или все еще дрожат, или она пытается скрыть, что они внезапно побелели.

Дугласу хотелось заслонить ее, защитить от жестокости герцога Херриджа или выставить его из комнаты. Будь они наедине, он мог бы спросить ее, так ли ей ненавистна идея брака. Или он даже мог бы настаивать на нем. От этой мысли Дуглас сам чуть не вылетел из кабинета.

Четверть часа назад он не знал ее, не мечтал о ней, не предполагал, что она станет частью мира, в котором он жил. Он и не думал познакомиться с женщиной по имени Сара, с ее характером, блестящим в глазах наряду со страхом.

Было в этой встрече какое-то безумие: не откровенная жадность герцога Херриджа и его очевидная жестокость, не отвращение Сары к отцу, даже не сделка, которую хотел заключить Дуглас и которая повлекла за собой брак. Но он чувствовал, что если Сара сейчас уйдет, то будет жалеть об этом всю жизнь.

— Я займусь специальной лицензией, — сказал Дуглас.

Герцог махнул рукой, словно подгоняя его.

Последний раз взглянув на Сару, Эстон неохотно ушел.

Глава 2

Дом, который Дуглас приобрел в Лондоне, был не столь велик, как у герцога Херриджа, но находился в фешенебельном районе. Остальные дома на площади за-

нимали аристократы, об этом факте Дугласу уже сообщали. Человек, проинформировавший его о соседях, ежедневно страстно убеждал его, что необходимо покупать достойную мебель, чтобы соответствовать стандартам знати.

Дуглас вышел из кареты, ничем не уступавшей соседским. Она тоже была куплена недавно, как и лошади, причем в количестве, которое он считал непомерным.

Молодой человек, открывший дверь, был незнакомым, но Дуглас помнил, что дал поручение Алано нанять слуг.

— Где Алано? — спросил Дуглас.

— Кто спрашивает?

И как Алано ухитрился найти самого дерзкого юнца в Лондоне? Подавив раздражение, Дуглас ответил:

— Ваш хозяин.

— Сэр, я Полсон. — Манеры молодого человека мгновенно изменились. — Думаю, мистер Алано в винном погребе.

Мистер Алано? Дуглас, покачав головой, вошел в дом, повернул направо и оказался между штабелями ящиков.

— У нас есть лакеи? — спросил он. — Или помощники конюха, на худой конец?

— Двоих наняли сегодня, сэр, — ответил молодой человек. — Думаю, они приступят к работе завтра.

— Тогда этим займитесь вы, Полсон. — Дуглас указал на длинный ящик около двери: — Мне нужно, чтобы этот ящик переложили в фургон в конюшне. И будьте внимательны: внутри колбы и мензурки из Италии. Я очень не хотел бы, чтобы они разбились.

— Вы желаете, чтобы я отнес это в фургон, сэр?

— Да. — Дуглас оглядел холл, сейчас больше похожий на склад. Он искал определенный ящик и, найдя его, двинулся дальше.

— Сэр, меня наняли за умение вести дом джентльмена, а не как рабочую силу.

Дуглас вышел из-за штабеля ящиков.

— Не знаю, что сказал вам мистер Алано, — ответил он, — но здесь не парадная резиденция. Весь штат будет занят нужным делом. Я не терплю лень, Полсон, и не плачу за нее.

— Слушаюсь, сэр.

Вид у Полсона был недовольный, но Дуглас знал, что тот выполнит распоряжение. Он указал молодому человеку еще на шесть ящиков.

— Их тоже отнесите, — сказал он, не обращая внимания на раздраженную мину Полсона. — И тоже с осторожностью, пожалуйста.

Дуглас определил, где винный погреб, по шуму. Стук перемежался цветистыми проклятиями его друга Алано на дюжине языков.

Дуглас спустился и прислонился к перилам у подножия лестницы, забавляясь зрелищем. Бочки с вином, купленные в Испании, стоят по кругу. Свечи, воткнутые в пустые бутылки, служат освещением. В центре круга на табурете восседает Алано с какой-то хитроумной штуковиной, привязанной к колену. Несмотря на совершенно седые волосы, его смуглое лицо на удивление гладкое. Когда он улыбался, открывались зубы столь же белые, как и волосы. Ключ к характеру Алано скрывался в его карих глазах, которые часто вспыхивали от эмоций.

— Ну, приятель, как дело прошло? — сказал Алано с сильным испанским акцентом, который не вязался с его шотландской фамилией Макдона. Его прадед эмигрировал в Испанию и заложил династию, которая процветала. — Герцог согласился?

— Я получил своего рода инвестицию, — пробираясь между бочек, ответил Дуглас. — Не деньги, но брак.

Недоверие во взгляде Алано соседствовало с такой же порцией удивления.

— Брак?

— С дочерью человека, который не питает особой симпатии к Шотландии и ее обитателям. Кажется, мать моей нареченной шотландка, и герцог, похоже, всех нас не любит.

— Начни сначала, дружище. У меня такое чувство, что ты много чего пропустил.

Дуглас начал с того, как он вошел в дом герцога Херриджа, и пересказал все, вплоть до момента, когда дворецкий Саймонс проводил его к двери.

— Надеюсь, ты не думаешь довести это дело до конца, — сказал Алано, когда Дуглас закончил. — Найдется много других, которые заинтересуются твоим открытием, старина. Сомневаюсь, что кто-нибудь из них навяжет тебе женитьбу.

Дуглас присел на бочку.

— Возможно, мне пора жениться.

Алано, поставив бутылку, уставился на Дугласа:

— Она до такой степени богата?

— Думаю, у герцога Херриджа нет ни гроша за душой, — улыбнулся Дуглас. — Этот брак для него возможность спасти лицо и приобрести долю в моем открытии.

— Значит, она так красива?

Дуглас видел перед собой Сару, как будто она вошла в комнату.

— Она прекрасна, — сказал он, не сознавая, что его голос смягчился. — У нее черные волосы, нежные серые глаза и пухлый рот. Но в ней есть нечто большее, чем просто красота. Она храбрая, преданная, любящая. Ее

мать больна, и по голосу слышно, как у нее сердце разрывается, когда она говорит о ней. Она боится отца, вздрагивает при каждом его движении, но все-таки бросила ему вызов.

— Значит, это любовь с первого взгляда? — спросил Алано.

— А такое бывает? — удивленно посмотрел на него Дуглас. — У меня пальцев не хватит, чтобы пересчитать девушек, которых я, по-моему, любил. Но я так и не женился ни разу.

Дуглас покачал головой, то ли из-за слов Алано, то ли по поводу собственных действий.

— А ты намерен это сделать?

— Думаю, да, — улыбнулся Дуглас.

— Собираешься сказать герцогу или его дочери, что ты тоже шотландец, или сохранишь это в тайне?

— Герцог относится к этому с неприязнью. Но возможно, Сара, будучи наполовину шотландкой, не станет возражать против мужа-шотландца.

Алано покачал головой:

— Ты достаточно нервничал из-за встречи с настоящим герцогом. А как ты будешь себя чувствовать, женившись на герцогской дочери?

Это очень в духе его старого друга — привести в ситуацию немного реализма.

— До сих пор я справлялся достаточно хорошо, — сказал Дуглас. — Что ты всегда говорил мне? Веди себя так, как они, выгляди так же, и скоро они примут тебя за своего. Герцог Херридж видел во мне джентльмена.

— Так-то оно так, приятель, — кивнул Алано. — Но я заметил, что ты все еще носишь с собой записную книжку, как будто боишься совершить ошибку.

Дуглас отвел взгляд.

— Это разные миры, Алано, — сказал он. — Тот, из которого я прибыл, и тот, куда хочу идти. Расстояние между ними невелико, но все в них различно.

— Ты проделал этот путь самостоятельно, дружище. Никто ничего не преподнес тебе на блюдечке. Ты не унаследовал это. И каждый пенни, какой у тебя есть, заработан. Никогда этого не забывай. Эти шеголи, живущие в прекрасных домах, не могут сравниться с тем, что ты сделал. Герцог Херридж получил свой титул и деньги от отца, а тот, в свою очередь, от своего отца и так далее. Он не добился этого сам, как ты.

Дуглас улыбнулся:

— Ты говорил, что знать свысока смотрит на деловых людей.

Алано фыркнул и заткнул бутылку пробкой.

— На свою беду. Если бы они понимали, что для них лучше, то шли бы другим путем, — сказал он. — Вместо этого они женятся на деньгах или живут в благородном голоде. Не так, как ты, дружище. С того момента, когда я тебя встретил, тебе были предначертаны большие дела.

Дуглас взял заткнутую бутылку. Несмотря на количество нанятых слуг, Алано всегда будет делать такую работу сам, убежденный, что никто, включая Дугласа, не может сделать это должным образом.

— Ты всегда верил в меня, Алано, все эти годы. Почему? — Дуглас не раз задумывался об этом, но сегодня, кажется, пришло время спросить.

Алано, похоже, удивился.

— Почему? — Он поднял брови. — Потому что ты был самым несносным мальчишкой, каких я только видел. И ты вырос мужчиной с той же упрямой жилкой. Если ты что-то себе в голову вбил, то не отступишь, пока не доведешь дело до конца. В юности тебе нужно было лишь дать правильное направление, и все.